

Андрей Васильев

Ордубадские лимоны, кенгерлийские воины и хыналыгские небожители

Есть два основных способа потребления веселящих напитков: с повышением градуса и с понижением оного. Первый рассчитан на продолжительное застолье и постепенное улучшение мнения об окружающих. Мизантропический эффект, возникающий на следующее утро, у него минимальный. При использовании второго способа, несмотря на быстрое достижение желаемого состояния, картина мира тускнеет с каждой выпитой рюмкой, а масштаб неизбежных последствий растет.

Некоторое время назад мне пришло в голову, что первый метод вполне применим при сборе материала для оптимистичного географического очерка. Взять, к примеру, нашу Россию. Если, в отличие от большинства зарубежных туристов, не ограничиваться посещением Москвы и Санкт-Петербурга, а двинуться дальше в провинцию, то по мере понижения «градуса прогресса» ваше моральное и физическое состояние неизбежно будет ухудшаться, как и мнение о Российской Федерации. И совсем другое дело, коли двинуться в обратном направлении, проникаясь по мере приближения к столице все большей уверенностью в счастливом будущем страны.

Поэтому, рассказывая об Азербайджане, по которому мне пришлось немало поездить и который мне хотелось бы представить в силу моей любви к нему лучшим образом, я начну с окраин и лишь к концу поделюсь впечатлениями о Баку. Тем более что и в советское время он считался одним из самых красивых городов СССР.

Самая окраинная окраина — это, конечно, Нахичевань или, как ее называют азербайджанцы, Нахчыван. Лет сорок назад я услышал от пограничника, успевшего послужить на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, то есть не избалованного климатом и благами цивилизации: не дай, мол, бог попасть в Нахичевань. Дескать, там и Кушка раem покажется. С убеждением, что от этого места надо держаться подальше, я и жил. Но не так давно мне предложили слетать туда — другого способа добраться из Баку до Нахчыванской автономной республики не существует. Нахичевань — эксклав, окруженный со всех сторон другими государствами. Командировка предполагалась короткой, да и любопытство заедало — так что же не слетать!

Васильев Андрей Владимирович — шеф-редактор издательства IRS Publishing House, журналист, автор сценариев документальных фильмов и более двадцати книг, среди которых «Боснийское интермеццо и другие повести», сборник рассказов «Прозаическая сага», исторические исследования «Сны старой крепости», «Зачарованный город», «Волшебные сказки Тебриза» и другие.

Предыдущая публикация в «Дружбе народов» — 2018, № 5.

Вид из иллюминатора самолета полностью подтверждал определение, данное Нахичевани в энциклопедическом словаре, — «горная страна»: вершины и пологие склоны; крутые обрывы и сложное переплетение хребтов; рыжие, желтые, серые, черные скалы всех форм и размеров. Казалось бы, трудно найти более неприятное место, чем эта часть Закавказского нагорья.

Действительно, большая часть автономной республики — горная. Она поднялась к небосводу Дарагезским и Зангезурским хребтам, прорезанными глубокими ущельями и долинами рек. Меньшая — юго-западная часть Нахичевани — равнинная, хотя и ее высота над уровнем моря составляет 600—1100 метров. Она узкой полосой протянулась вдоль левого берега Аракса — реки, не менее знаменитой в древности, чем Тигр и Евфрат.

В общем, для привольной жизни места мало. Настолько мало, что не совсем понятно, почему предки современных азербайджанцев решили здесь обосноваться. Между тем, город Нахчыван ведет свою историю из той давней поры, когда Римской империи не было даже в проекте. Ему четыре тысячи лет. С высоты столь почтенного возраста и Афины, и Рим смотрятся зелеными юнцами. А первые поселения в Нахичевани возникли еще раньше, в добиблейские времена. Во всяком случае, всех туристов в обязательном порядке водят к мавзолею, под которым, по преданию, находится могила Но亞.

Чтобы больше на этом не останавливаться, сразу перечислю и остальные достопримечательности, без которых полной картины Нахчывана все равно не получится. По старшинству сразу же после праведника идут копи Дуздага — Соляной горы. Их разработка началась восемь тысяч лет назад. Похоже, они самые старые в мире. Я, конечно, прошелся по этим штрекам. Сейчас в них разместился Физиотерапевтический центр, в котором очень успешно лечат просоленным до последней молекулы воздухом заболевания органов дыхания.

Побывал я и в святыни Асхаби-Кахф. Оно находится в самом конце длинного горного ущелья, спускающегося чуть ли не от вершины хребта. Паломникам, чтобы добраться до него, приходится преодолеть несколько сотен ступеней. Но место того стоит, ведь это та самая «Пещера семи спящих», упомянутая в 18-й суре Корана!

Делясь впечатлениями от посещения этого края, начинаешь себя чувствовать ведущим программы «Магазин на диване», потому что, закончив рассказ об очередном знаменитом месте, невольно хочется заявить: «Но и это еще не все!»

Действительно, тут за века накопилось столько всего интересного! Поэтому, раз уж вы попали в Нахичевань, непременно придется осмотреть и наскальные рисунки Гемигая, и творения великого зодчего древности Аджеми, и дворец нахичеванских ханов, и, конечно, город Ордубад, основанный в VII веке.

Последний прославился не столько старинными зданиями, сколько выращиваемыми в окрестных садах фруктами. Главный «брэнд» Ордубада — лимоны. Почему они так ценятся в Азербайджане, ни один ордубадец не смог мне объяснить. Тем не менее стоят они на бакинских рынках раз в десять дороже любого тропического фрукта. А уж если вам подадут чай с долькой ордубадского лимона, то наверняка сообщат об этом, чтобы, не дай бог, вы не упустили возможности насладиться деликатесом.

Ордубадские сады на протяжении веков были главным богатством местных жителей. Яблоки, хурму, гранаты и персики вывозили в другие страны по проходившему через город Великому шелковому пути. Здесь останавливались для отдыха купцы, в караван-саарах шла бойкая торговля, затихавшая, лишь когда голос муэдзина призывал правоверных на молитву. Но сами ордубадцы при этом оставались как бы в стороне от страстей, связанных с прибылями и потерями. Другим не завидовали, но и свое достоинство берегли, благо городом гордились и считали его лучшим местом на Земле.

Их мнение разделяли соседи, именовавшие Нахчыван «украшением мира». Возможно, такая оценка сегодня покажется завышенной, но до XVI века, когда началась длинная череда турецко-персидских войн, этот край и вправду процветал, вызывая восторг у посещавших его путешественников.

Нахчыванцы свою историю знают, гордятся ею, но, пожалуй, этим и ограничивается их связь с легендарным прошлым. Как и всех людей на Земле, их больше заботит день сегодняшний. Конечно, ситуация сейчас несравненно лучше, чем в 1991—1993 годах, когда из-за войны в Карабахе регион оказался в экономической блокаде. Поставки газа и электроэнергии были прерваны. Чтобы не замерзнуть — а зимой температура падает ниже двадцати градусов, — вырубили все парки и скверы. Сейчас энергетическая проблема решена, и вместо каждого срубленного дерева посадили десять новых. Разобрались и с другими вопросами, в том числе полностью обеспечили себя продовольствием, но надо двигаться дальше, а этому здорово мешает то, что ввозить и вывозить товары приходится через Иран и Турцию. Все по старой пословице: «За морем телушка — полушка, да рубль — перевоз».

Тем не менее никто не жалуется. Я, во всяком случае, жалоб не слышал. Нахчыванцы — гордый народ, а Нахчыван — это своего рода азербайджанская Сицилия. Они даже внешне чем-то схожи. В одежде нахчыванцы, как и сицилийцы, предпочитают темные тона. Гавайская рубашка и шорты здесь будут смотреться столь же неуместно, как фрак на национальном празднике готтентотов. Этикет соблюдается строже, чем при дворе английской королевы. Тут молодому человеку и в голову не придет знакомиться с девушкой на улице. Кто-то скажет, что такое поведение старомодно. Пусть так. Зато невозможно представить себе, чтобы здесь женщины или пожилому человеку не уступили место в автобусе или, к примеру, перебили его в разговоре.

Слово старшего — закон. Видел своими глазами, как отец, простой крестьянин, всю жизнь проковырявшийся в земле, не выезжавший дальше Нахичевани, отчитывал своего сына — богатого предпринимателя из Баку. И сын стоял перед ним навытяжку, не смев возразить, почтительно внимая каждому слову отца.

Вернувшись в Москву, я рассказал приятелю-азербайджанцу о подсмотренной сцене. Он поглядел на меня с недоумением.

— А что тут такого?

— Ну, как же! Я хорошо знаю этого человека. Он — преуспевающий бизнесмен. Закончил университет в Англии. Из заграницы не вылезает. Их знания несравнимы.

— Ты не понимаешь! В финансах старик, ясно, не разбирается. Но он прожил много лет, знает людей и не хочет, чтобы его сын совершил нехороший поступок и опозорил себя. Кроме того, он — нахчыванец, — и приятель махнул рукой.

Уважение к старшим, забота о родителях — святая обязанность детей. В Нахчывани, можно с уверенностью утверждать, никогда не привьется такая форма социального попечения, как дома престарелых. Нахчыванец, решивший передать отца, мать или оставшегося одиноким родственника в такое, пусть и самое замечательное, учреждение, неизбежно станет изгоем в обществе. На него будут смотреть с презрением. Ему не подадут руки.

Да что там говорить! Я не встретил на улицах Нахичевани ни одного человека, просящего милостию. Этого здесь не может быть по определению. Соседи, родственники, друзья, знакомые не позволят дойти до такой степени отчаяния, чтобы молить прохожих о помощи. Сами предложат свои услуги, сами все сделают и даже слов благодарности слушать не станут. И не потому, что очень гордые: просто они считают, что совершенно естественный поступок не требует благодарности.

Здесь вообще не принято выставлять напоказ свои чувства. Сдержанность — основа поведения нахчыванцев, а часть и неразрывно с ней связанная верность данному слову служат доминантой бытия, доходя подчас до абсолюта.

Во время поездки по краю я совершенно случайно попал на местный праздник. Сейчас даже не помню, чему он был посвящен, но это не так важно. Народу на него

собралось много. Был конец лета, шел сбор урожая, и люди были рады хотя бы денек передохнуть.

С организацией мероприятия особо не заморачивались: на школьном футбольном поле за селом были поставлены торговые палатки, развешаны транспаранты и сколочена сцена. Районное начальство быстренько отчиталось с нее о достигнутых успехах и уступило площадку представителям самодеятельности.

Мне подобные концерты пришлось отсиживать много раз. Все они строятся по одной и той же схеме. Первой идет песня о Родине, потом ансамбль народных инструментов, затем классический вокал, под который притомившаяся публика начинает перешептываться. И только под конец подают «сладкое» — что-нибудь современное, от которого глухнешь в первые же секунды. Здесь отличие было в том, что все выступления зрители принимали на ура. И ашугов, и кеманчистов, и даже исполнителя мугамов с довольно слабым, совсем не мугамным голосом. А когда объявили танцовров, разразились такие аплодисменты, о которых наши фанерные «звезды», ежегодно приезжающие в Баку на фестиваль «Жара», не смеют и мечтать.

Плясали действительно здорово. С азартом и от души, но, на мой непросвещенный взгляд, несколько однообразно, повторяя, пусть и с большим воодушевлением, одни и те же танцевальные па. Я уж было заскучал и стал подумывать о том, как бы незаметно покинуть почетное место, на которое меня усадили, но тут на сцену вышел новый коллектив. Мужчины были одеты в черные, отделанные серебром архалыки, девушки — в яркие лазоревые платья. Но дело не в костюмах, а в том, как эти люди держались. Пожалуй, самые точные слова, что я могу найти, «строго» и «сурово».

— Кенгерлийцы, — шепнул мой сопровождающий.

Я много слышал об этом славном народе, живущем в горах Нахичевани. Служба составляла содержание и смысл их существования. Ничто не могло заставить кенгерлийцев отказаться от выполнения взятых на себя обязательств. Их воинская выучка была выше всех похвал, и при численности племени приблизительно в 10 тысяч человек они представляли грозную военную силу. Все знали, что они способны пойти сотней против нескольких тысяч, выполнить приказ или умереть. В чем-то кенгерлийцы напоминали элиту британских колониальных войск — подразделения непальцев-туркхов. Ордены, которыми были награждены вышедшие из их среды военачальники, хватило бы на небольшую армию. И вот что странно: именно этот народ подарил Азербайджану тонкого лирического художника, основателя азербайджанской живописи Бахруза Кенгерли. Но он, пожалуй, исключение. Основная масса кенгерлийцев по-прежнему всем другим занятиям предпочитает военную службу.

Нахчыванцы вообще люди воинственные и свободолюбивые. Их характер формировался в те века, когда эта земля была ареной бесконечных нашествий и только мужество и упорство помогали выжить, когда лишь взаимовыручка и сплоченность гарантировали то, что ты увидишь завтрашний день. Свободу они ценят превыше всего. Многие думают, что распад СССР начался с прибалтийских государств. Это не так. За много месяцев до них, 19 января 1990 года, чрезвычайная сессия Верховного Совета Нахичеванской АССР приняла постановление о выходе Нахичеванской АССР из Союза ССР и объявлении независимости.

А во всем остальном жители Нахичевани ничем не отличаются от, скажем, бакинцев или москвичей. Те же заботы и радости. Люди работают, воспитывают детей, занимаются повседневными делами, которых, сколь ни уснащай свой быт домашней техникой, все равно много.

И Нахчыван самый обычный город, конечно, за вычетом исторических памятников, которых здесь немало. У него вполне, как принято говорить, «европейский вид»: широкие проспекты, магазины, рестораны, очень приличные гостиницы, множество научно-исследовательских институтов и заводов. На окраине Нахичевани расположен кампус университета. А воротами в город служит современный международный аэропорт, оборудованный по последнему слову техники. Другими словами, ничего необычного или непривычного для глаз.

Поэтому, если хочется экзотики — а она здесь есть, — надо забираться подальше в горы. Более того, по нашим российским понятиям, ее там более чем достаточно. Во-первых, прекрасные дороги в каждое, даже самое удаленное село. Во-вторых, газ. Он есть в любом крестьянском доме. А что это значит для села, объяснять не надо. В-третьих, электричество и вода, за которой не надо бегать с кувшином к роднику. В-четвертых, повсюду стоят новые школы и поликлиники. И это реальность, а не «потемкинские деревни». Маршрут-то я выбирал сам.

Гедыбей. Маленький город с девятыю тысячами жителей на северо-западе Азербайджана. Больше всего известен выращиваемой здесь картошкой. Воскресный день. На центральной площади столпотворение. Из окрестных сел приехали за покупками крестьяне. В багажники легковушек укладывают мешки с мукой и рисом, инструменты, кто-то грузит на прицеп мебель, ташат клетки с возмущенными таким обращением курами. Из кафе оглушающе звучит музыка. С трудом находим место, чтобы припарковаться. Водитель убегает в магазин, а мы с фотокорреспондентом, чтобы нас не снесло потоком людей, жмемся к стене.

Возле нас останавливается женщина. Еще не старая, лет пятидесяти. Одета в традиционное для сельских жителей темное платье. На плечи наброшен теплый платок. На ногах растоптанные туфли. Осторожно нас рассматривает, потом все-таки решается.

— Из России? — по-русски спрашивает она. Акцент у нее сильный, но все понятно.

— Из Москвы, — сообщаю я, совершенно не представляя, зачем мы ей сдались.

— Я в русской школе училась. У нас русские живут, молокане. Я к ним в школу ходила. Много русских подруг было, — с гордостью говорит женщина.

— Не забыли язык? — интересуюсь из вежливости.

— Забыла. Совсем забыла. Мало на русском говорю. Нехорошо.

Даже и не знаю, что сказать в ответ. Дипломатично пожимаю плечами.

— В гости приехали? — не унимается женщина.

— Нет, по работе. Будем делать материал о вашем районе.

— Из газеты, — кивает она.

— Из журнала, — уточняю я.

— Хорошо, — женщина улыбается золотозубой улыбкой. — Поехали!

— Куда?! — удивляемся мы с фотографом в один голос.

— Ко мне в деревню. Отдыхать будете. Мужу скажу барана зарезать. Гости из Москвы. Честь для нас. Соседей позову.

Ну, что тут скажешь? С трудом отговариваемся срочной работой. Женщина явно расстроена. Прощаемся с ней, как со старым другом.

Давно хотел попасть к пастухам, посмотреть, как они живут. Как-никак одна из древнейших профессий на земле. Но все не получалось. Кого ни спросишь, в ответ: «Проблем йок!», а потом выясняется, что отара высоко в горах, погода не та, и вообще неизвестно, сможем ли мы их найти. На всякий случай даже спросил знакомого пилота из «Азербайджанских Авиалиний» и, конечно, услышал традиционное «Проблем йок!». Правда, за ним последовало обнадеживающее: «Завтра тебя устроит?»

Ох, лучше бы не устраивало. Куда полезней для здоровья было бы сидеть на какой-нибудь нудной конференции или копаться в пыльном архиве. И скажу больше: были такие моменты в поездке, когда я был готов променять место рядом с моим знакомым на скамейку в полицейском «обезьяннике». Не хочу описывать те фигуры высшего пилотажа, которые этот воздушный ас выписывал по тропинкам и склонам. Он не подъехал к пастбищу, а приземлился на него.

У брезентовой палатки сидели двое пастухов. За палаткой паслись стреноженные лошади. Тот, что помоложе, готовил еду в котле, а старший курил. Самые обычные

люди, и одеты они были не по-пастушьи — то есть ни бурок, ни косматых папах, — а во что-то городское: курточки, кроссовки...

Поздоровались, представились, объяснили цель визита. Те удивились, посмеялись и пригласили к костру. Из завязавшегося разговора выяснилось, что отару пасут четвером. Овцы в основном хозяйские, но есть и принадлежащие пастухам. Двое сейчас приглядывают за стадом, а они вернулись в лагерь, чтобы обед приготовить и передохнуть. Продукты им привозят раз в десять дней, а выбраться домой удается редко. Что касается условий, в которых они живут, то «вот они все условия» — старший мотнул головой в сторону палатки.

— А поменять работу не хотите? — не смог удержаться я от вопроса.

— Мы ничего больше не знаем, — ответил старший. — Привыкли.

Хотел бы я так «не знать». Пастух, он и ботаник, и ветеринар, и наездник, и охотник. Он должен уметь ориентироваться в горах, проходить каждый день десятки километров. А уж по части выносливости и умения выживать пастух даст сто очков вперед всем телевизионным «путешественникам», которых столько развелось в последнее время. Не согласны — попробуйте перегнать хотя бы десяток коз с одного пастбища на другое в ноябрьское ненастье.

У современного путешественника и рация, и куча приспособлений, облегчающих ему жизнь, а труд пастуха за тысячу лет не претерпел никаких изменений. Он и сегодня остается предельно тяжелым, сложным, а подчас и опасным. Ведь пока овца подрастет, сколько километров надо отшагать по горам, сколько ночей мерзнуть у костра, сколько раз рисковать жизнью, отыскивая в слепящий буран потерявшегося ягненка.

Пастух всегда один на один с природой, его быт прост и суров. Укрывается курткой или ватником, спит в палатке или хижине, горячую пищу ест раз в день. В горах проводит от восьми до десяти месяцев. И была бы его работа совершенно непосильной, если бы не надежные помощники, те самые, которых далекий предок приручил и обучил, — конь и собака.

Конь пастуха — не тягловая крестьянская лошадь, хотя ему и приходится перевозить тяжелые выюки с нехитрым хозяйством. Он небольшого роста, сухой, легконогий. Без него никак не управиться, не поспеть, когда под твоей опекой стадо в несколько сот голов. Такой конь и крутой склон легко преодолеет, и по узкой горной тропе, не оступаясь, пройдет.

А как не сказать доброго слова о пастушьих собаках?! Если бы на них составляли характеристики, то буквально про каждого пса пришлось бы написать «верный, надежный, стойкий, бесстрашный». Есть в их работе — они именно работают, а не служат — солидность и основательность мастера, хорошо знающего свое дело. Они не будут по-пустому лаять, бегать взапуски, и уж никак нельзя их представить гоняющимися за бабочками или выпрашивающими подачку. Не спеша, экономя силы, такой пес обежит стадо, а затем заберется на камень или кочку, с которой он все и всех видит, и будет внимательно следить за порядком. И стоит какой-нибудь овце лишь отбрести в сторону, как пес уже рядом. Он даже рычать на нее не станет. Своевольница и так поймет: надо вернуться, порядок нарушать не позволено. В мире установлено много памятников собакам — проводникам, спасателям, собакам-полицейским. Такой чести заслуживает и пес, помогающий пасти стадо. Он-то, понятно, об этом не попросит, но людям пора оценить его труд.

Впрочем, и статуями пастухов парки и площади мало где украшали. Возможно, в силу того, что работа их мало кому была видна, словно она протекала в параллельном мире. Да и сейчас вблизи их можно увидеть, лишь когда отара пересекает дорогу. К тому же труд пастухов редко становился объектом почитания и воспевания. Правда, поэты и художники от пастухов не отворачивались, но их буколические козопасы не имели ничего общего с реальными людьми, пасущими стада в горах и на равнинах. Так что эта тема еще ждет своего Гомера или Фидия. И, наверное, рано или поздно появятся посвященные пастухам и хорошие фильмы, и увлекательные книги, и замечательные

скульптуры. Ведь труд их очень нужен и важен, и каких бы высот ни достигли наука и техника, пастухи все равно по весне погонят отары в горы.

Три тысячелетия назад Шеки был одним из самых известных городов легендарной Кавказской Албании¹ — государства, основанного в III веке до н.э. и просуществовавшего до XIII столетия. Город входил в систему Великого шелкового пути, и когда-то на шекинских площадях шумели огромные базары, а купцы на десятках языков зазывали в палатки покупателей, соблазняя их чудесными ароматами специй, радугой роскошных тканей, блеском драгоценностей и остротой мечей.

Знаменит Шеки и тем, что еще в I веке сюда было принесено учение Христа. По преданию, храм, сохранившийся в лежащем рядом с городом селении Киш, был заложен побывавшим здесь пророком Елисеем. В IV веке христианство было объявлено албанскими царями государственной религией. Были открыты бесплатные школы, труды европейских богословов переводились на албанский, многочисленные монастыри служили пристанищем для торговых караванов. Всего же, как утверждают археологи, в Шеки и вокруг него насчитывается не менее двадцати пяти албанских церквей, датируемых IV—VIII веками. При этом здания храмов часто стоят рядом с исламскими памятниками более поздних эпох. Ни один из мусульманских правителей Шеки не позволил разрушить их.

И обязательно надо сказать о Дворце шекинских ханов. Побывавший в Шеки турецкий поэт Назым Хикмет записал: «Если не было бы других древних сооружений Азербайджана, то было бы достаточным показать всему миру только Дворец шекинских ханов».

Дворец выполнял роль летнего павильона. Свет, проникающий внутрь дворца через большие витражи-шебеке, отливает всеми цветами радуги. Это создает особое радостное ощущение. И оно еще больше усиливается видом фантастических росписей, которыми покрыт каждый сантиметр стен, многочисленных ниш, сталактитовых переходов к плафонам и самих плафонов.

В 2019 году дворец и средневековая застройка центральной части Шеки были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. И совершенно заслуженно. Я в этом небольшом городе с длиннющей историей был трижды и каждый раз приезжал сюда с особым удовольствием. Вообще-то таких городов в Азербайджане много. Чистенькие, нарядные, уютные, они сразу располагают к себе. Здесь нет обезличики мегаполисов, где человек не житель, а всего лишь часть населения. Причем очень маленькая.

Дома под красными черепичными крышами. Во дворах пышные сады. Асфальт усыпан не удержавшимися на ветках абрикосами. Окраинные улицы в полуденный час пусты, чего не скажешь о центре. Здесь жизнь кипит. Разноязыкие группы туристов перетекают из лавки в лавку. На набережной реки Гурджаначай выстроилась вереница сверкающих стеклом автобусов.

И, понятно, многолюдно на рынке, который вполне можно внести в список туристических объектов, поскольку в Шеки это еще и аттракцион. Шекинцы — люди веселые, ценящие шутки и острое слово. Каждая покупка — это целое представление, в котором с удовольствием участвуют и продавец, и покупатель. Конечно, все тонкости шекинского юмора без знания языка оценить довольно сложно, но смысл разыгрываемых сценок обычно понятен без слов.

Шеки памятен мне еще и тем, что здесь я первый раз побывал на азербайджанской свадьбе. Мероприятие это настолько масштабное и впечатляющее, что я еще долго приставал к знакомым с вопросами: «А зачем это нужно?» И, естественно: «И это все родственники?!» Последний вопрос был вызван количеством гостей. Их было более

¹ Не путать с названием страны на Балканах, оно также встречается в топонимике Италии и Шотландии.

трех сотен, не считая детей, которые хаотично перемещались по залу, где проходила свадьба, и поэтому учуя не поддавались.

Меня пригласил троюродный дядя жениха, что автоматически повышало мой статус до «ближайшей родни» и давало массу привилегий, в том числе право присутствовать на всех этапах церемонии. А она очень сложная, и подготовка к ней занимает много месяцев.

К свадьбе в Азербайджане отношение самое серьезное, за строгостью соблюдения ритуала, как правило, следят весьма пристально, искренне надеясь, что это убережет новую семейную пару от ошибок и разочарований.

Конечно, опасности, подстерегающие вступивших в брак юношу и девушку, сегодня иные, и некоторые традиции в свете этого кажутся архаичными, но поскольку продиктованы они любовью и заботой, стремлением укрепить связи молодой семьи со старшим поколением и родом, воспринимают свадебные обычаи с почтением и редко вычеркивают их из программы. К тому же большинство из них красочные, веселые, превращающие свадьбу в событие, о котором долго еще вспоминают и говорят.

Порядок подготовки свадьбы состоит из множества этапов, но точкой отсчета, как и везде в мире, является взаимное чувство. А вот дальше начинается высокая дипломатия. Причем первую скрипку играют женщины, обычно старшие родственницы жениха. Именно они наносят неофициальный визит в дом невесты. Раньше этому дипломатическому зондажу придавалось огромное значение. В ходе его выяснялись такие важные вопросы, как благосостояние девушки, социальный статус семьи, влиятельность рода и, естественно, отношение родителей к кандидатуре жениха. Кстати, отказ, полученный на этом этапе, не причинял особого ущерба достоинству соискателя, к тому же избавлял от многих довольно обременительных расходов.

Но если семья невесты не против, наступает время официального сватовства. Первой с родителями невесты знакомится сопровождаемая близкой родственницей мать жениха. Без их «экспертного заключения» к следующему этапу, когда к переговорам подключается и отец, не переходили (вот вам и бесправное положение женщин в мусульманской семье!). У жениха устраивается большой семейный совет, который решает, какой быть свадьбе и что понадобится молодым. Одновременно его сестры, родные или двоюродные, должны выяснить пожелания невесты. И наконец, после бесчисленных закулисных консультаций в дом к родителям девушки отправляется официальное «посольство».

«Протокол» проведения сватовства запрещал начинать его с вопроса: «Готовы ли вы отдать свою дочь за нашего сына?» Сначала следовало, словно на встрече глав правительства, обсудить погоду и политический момент. И лишь потом, как бы между прочим, поинтересоваться согласием. Хороший тон требовал сделать вид, что предложение неожиданное и его «необходимо обдумать». При следующей встрече (расширенной по составу и сопровождаемой обильным угождением) тот же вопрос задавался вторично. И только тогда оглашался официальный ответ.

Теперь можно было переходить к обручению. Близкий родственник жениха отвозит суженой кольцо. Она встречает посланника окруженнная подругами, которые также его примеряют. Это считается хорошей приметой. А потом в доме невесты устраивают большое обручение. И тут уже гостей не считают: обычай требовал пригласить и самых дальних родственников, и всех соседей. Но являться надо было обязательно с подарками, которые должны были составить основу благосостояния будущей семьи.

Церемонию обручения положено начинать с деловой части: обговаривается размер выкупа за невесту (он обычно включается в приданое, так что эти деньги из молодой семьи не уходят) и подписывается договор, который обеспечивает женщину средствами, если муж решит с ней развестись. Европа и Америка додумались до брачных контрактов куда позже.

Подготовка непосредственно к свадьбе могла занять и месяц, и год. И все это время жених должен был поддерживать чувства невесты бесконечными подарками.

Впрочем, накануне долгожданного события их перевозили в дом жениха. А невесту тем временем готовили к церемонии. Одевали, украшали, хной наносили на ладони узоры. Проводившие эти обряды родственницы и подружки при этом пели, танцевали и поедали тонны сладостей. В общем, веселились от души.

И самое интересное. В старину свадьба проводилась раздельно. Жених гулял с мужчинами, а невеста отмечала ее с женщинами. В XX веке два этих дорогостоящих мероприятия стали объединять. За невестой приезжает делегация от жениха, конечно, опять с подарками. Родители обвязывают вокруг талии или руки невесты красную ленту, обводят ее трижды вокруг светильника, чтобы оберечь от злых духов, и вручают свое дитя доверенным лицам. Музыка звучит, не умолкая ни на минуту. Танцуют в доме, во дворе, на улице (в основном женщины, мужчины предпочитают курить и беседовать). А дальше — торжественный обед, переходящий в ужин, и веселье до утра.

Впоследствии мне пришлось побывать еще на двух свадьбах. На этот раз в Баку. Размах был такой, что свадьба, описанная Марио Пьюзо в «Крестном отце», может показаться скромным семейным торжеством. Считать гостей я даже не пытался — их было от пятисот до тысячи. И если в одном случае сочетались браком дети миллионеров, то во втором жених и невеста были скромными менеджерами. Откуда же деньги на кортеж из джипов, на фотографов и операторов, визажистов и стилистов, банкет, на котором было столько перемен блюд, что не было сил даже попробовать их? По секрету мне сказали, что жених взял ссуду в банке, чтобы не ударить лицом в грязь перед родственниками. И, мол, это самое обычное дело. Конечно, против традиции не попрешь. Но вот ведь какая штука: через полгода менеджерская пара развелась...

Расположенный в ста километрах от Баку, Хызынский район отнесен в туристических буклатах фотографиями охристо-красных скал, густых горных лесов и восторженными строками о чистейшем прохладном воздухе. В летние месяцы измученные жарой жители столицы при первой возможности переезжают в Хызы, увеличивая население района вдвое и втрой. Здесь я договорился встретиться со старым знакомым, занимающим ныне очень ответственный пост в Азербайджане. Имя его я, понятно, не называю, как и фамилии других людей, на мнение которыхсылаюсь. Наши беседы были сузубо частными.

Сидели мы в небольшой чайхане, любовались лежащей под ногами долиной, где стараниями местного предпринимателя устроен большой зоопарк. Видно было, как по просторным вольерам, не обращая никакого внимания на толпящихся у заграждений детей и взрослых, бродили олени, джейраны, антилопы и прочая рогатая живность.

— И как жизнь? — осторожно начал я после обмена дежурными вопросами о здоровье и друзьях.

— Если брать в среднем, то неплохо, — так же осторожно ответил мой собеседник.

— То есть из кризиса вы вышли?

— Когда цены на нефть обвалились вдвое, больше было испуга, чем реальных проблем. Конечно, пришлось на пару дырок затянуть ремень, но и экономическая, и финансовая системы выдержали. А потом начали работать «закладки» — проекты, которые мы запустили в благополучные времена. Ведь наш Нефтяной фонд придерживается несколько иной политики, чем ваше министерство финансов. Он вкладывается в основном в экономику Азербайджана, а не в зарубежные ценные бумаги.

— Про туризм я знаю. Он действительно с каждым годом приносит все больший доход. А прочие «закладки»?

— Ничего нового вам не сообщу: транспорт, логистика, сельское хозяйство, переработка сельскохозяйственных продуктов, — перечисляет мой знакомый.

Нельзя с ним не согласиться. В последние десять лет в этих областях и вправду наметился серьезный прорыв. Эмблема грузовой авиакомпании Silk Way Airlines известна теперь по всему миру, а ее флот что ни год наращивается новыми самолетами.

Видел я и гигантский морской порт Алят, возведенный в рекордные сроки в шестидесяти километрах от Баку. Работает с четкостью швейцарских часов. Слышал и о новой железной дороге Баку—Тбилиси—Карс. Пока российские политики убеждают друг друга в финансовой перспективности проекта «Великий шелковый путь», у азербайджанцев он уже работает. А что говорить о сельском хозяйстве! Площадь садов и виноградников ежегодно увеличивается, распахиваются заброшенные тридцать лет назад земли, растет поголовье скота. Цены на продукты лучше не сравнивать с российскими: можно получить нервное расстройство.

— Значит, все хорошо, — констатирую я.

— До «хорошо», как мы считаем, еще далеко, — усмехается собеседник. — И ошибок было сделано много, и некоторые негативные факторы оказались недооцененными. Наверное, хорошо будет тогда, когда каждый житель нашей страны, тщательно взвесив все «за» и «против», решит для себя и детей, что в Азербайджане им будет лучше всего.

— И надежда на это есть?

— Я уверен в этом.

В уникальной по красоте и многозвучию симфонии природы Азербайджана у гор — ведущая партия. Она начинается пологими холмами и лесистыми склонами, чтобы затем взмыть в запредельную высь вершин Большого Кавказа. В нее вплетены тысячи мелодий, веселых и звонких, как альпийские луга Лерика, стремительных и бурлящих, как водопады Илису, суровых и мрачных, как Шахдаг и Базардюзю. Однажды услышанная музыка гор остается в памяти на всю жизнь, чтобы звучать вновь и вновь, зовя вернуться к ним.

Путь в горное село Хыналыг, что лежит на севере Азербайджана, не столь уж длинен — немногим больше пятидесяти километров от районного центра Губы. Вот только добираться до заветной точки, лежащей на высоте 2400 метров над уровнем моря, придется не привычно по горизонтали, а в основном по вертикали, преодолевая бесконечные петли серпантина. Но то, что можно увидеть здесь за час поездки на автомобиле, стоит впечатлений от иного путешествия в сотни километров.

Сначала надо проехать через пронизанный зеленым светом лиственний лес, кроны деревьев которого так густы, что и в самый сильный дождь под ними можно спокойно гулять, не боясь промокнуть. Затем после бесчисленных поворотов дорога вынырнет на простор альпийских лугов, по которым медленно передвигаются от пастища к пастищу отары овец. А потом начнутся горы. Древние, в глубоких морщинах, проделанных бесчисленными ручьями, текущими с ледников, с белоснежными вершинами, уходящими в небо, и парящими над ними орлами.

Но надо подняться еще выше, хотя, как это сделать, совершенно не понятно. Дорога вливается в узкое ущелье, по дну которого спешит вниз, на равнину, река. Следуя за ее сумасшедшими изгибами, нитка шоссе то повисает над страшными обрывами, то жметься к крутым скалам, пронзая одно за другим отдыхающие в каньоне перед долгим путем к прикаспийским степям облака.

С каждым поворотом все выше и выше. И наконец открывается огромная чаша высокогорной долины, над которой высится Шахдаг, подавляя своим гигантским ростом все окрестные вершины. Отсюда до Хыналыга рукой подать.

Вы еще не у цели, но вы уже достигли цели, потому что открывшийся перед вами мир вечен и прекрасен. Его красота столь пронзительна и необорима, что все переворачивает в душе, заставляя переоценить то, чем ты жил и к чему стремился. Такую волшебную силу не измерить и не передать. Ее надо почувствовать. И это обязательно произойдет.

Жителей Хыналыга можно смело назвать «небо-жителями». Их деревня расположилась на вершине горы. Это самое высокогорное селение Европы. Но сами хыналыгцы — люди скромные, на вопрос: «Как вы оказались здесь?» пожимают плечами: «Очень надежное место». И ведь правы хыналыгцы: в этой необычной

деревне с домами, напоминающими ласточкины гнезда, можно спокойно пересидеть и природный, и социальный катаклизм.

Хыналыгцы — потомки одного из 26 племен, входивших в союз, основавший в I тысячелетии до н.э. Кавказскую Албанию. В пользу этого говорят и предметы, найденные археологами, и надписи на албанском, которые сохранились на некоторых камнях близ села, и развалины древней крепости.

Теперь в деревню ведет отличная дорога, в каждом доме газ, электричество, Интернет, повсюду тарелки телевизионных антенн. Что касается воды, то проблема с ней была решена давно. Водопровод в Хыналыге, возможно, старше римского. Остались прежними и родовые жилища: неказистые, но основательные, с толстыми стенами, защищающими и от пронизывающего ветра, и от зимних тридцатиградусных морозов. А вокруг только камень, ни деревца, ни кустика — некомфортно растительности на такой высоте. Лишь по весне побалует природа зеленью лугов да крохотных огородов, разбитых на плоских крышах домов живущих ниже соседей.

Народ промышляет в основном скотоводством и сбором лечебных трав. Местный чиновник уверяет, что этого вполне хватает на жизнь. Понятно, очень скромную. Ничего новее «жигулей» я на улицах села не видел. Из-за этого молодежь перебирается вниз, в долины. Там сытнее. Однако заколоченных, оставленных хозяевами домов в Хыналыге нет. Я вообще за годы поездок в Азербайджан не видел ни одной заброшенной деревни. Есть побогаче, есть победнее, но всюду видны признаки жизни. Полагаю, дело тут не только в правильной политике правительства или в особой привязанности азербайджанцев к родному очагу. Есть еще ответственность и порядочность. Мой друг рассказал о двадцатилетней девушке, с которой он познакомился в маленьком селе под Исмаиллы.

— Почему не уезжаешь? — поинтересовался он и получил ответ:

— Я — сирота. Из родственников только пожилая тетка осталась. Пока она жива, я буду с ней.

Эта девушка — не исключение. Пожилых людей на произвол судьбы не бросают. Из семьи — а они здесь все многодетные — кто-то обязательно остается с родителями. Это нерушимый порядок. Во многом благодаря ему и деревни не умирают.

А что касается Хыналыга, то есть надежда, что ситуация тут скоро улучшится. Новая дорога даст толчок туристическому бизнесу. Вид-то отсюда какой открывается! Выше только заснеженная вершина Шахдага, до которой, имей человек крылья, лета всего несколько минут. Впрочем, все крылатые — в основном горные орлы — парят внизу, под ногами. На хыналыгцев этим гордым птицам приходится смотреть, порядком вывернув шею, снизу вверх.

Сидим в летнем ресторане в Илису и едим вкуснейшую булгаму — мясо, тушенное в овощах. Вечер еще не поздний, но это юг, и темнеет рано. Склон соседней горы почти неразличим. Между тем биологи из Илисуйского заповедника говорили, что из ресторана можно увидеть, как на водопой спускаются безоаровые козлы — прирожденные альпинисты. Впрочем, тут, в горном районе, и коровы умудряются взбираться на такие кручи, что от одного взгляда на них страшно становится.

Компания подобралась примерно одного возраста: и профессору химии, и переводчику поэзии, и художнику, и генералу — всем за шестьдесят. Все родом из этих мест, и поэтому вначале разговор идет о том, что мне еще надо непременно увидеть. Но постепенно, как это бывает у пожилых людей, неизбежно сползаем к критике и начинаем перечислять, в чем сегодняшняя молодежь уступает нам. Посетовав на то, что она одинаково равнодушна и к Пушкину, и к Насими, единодушно приходим к выводу, что мы жили интереснее. Генерал, подумав, говорит:

— Жить стали лучше, чем при Советском Союзе, а стали притом беднее.

Что он имеет в виду, всем понятно. Профессор соглашается:

— Возможности были иные. Таких фундаментальных исследований мы сегодня

не ведем. У вас их, кстати, тоже стало намного меньше, — поворачивается он ко мне. Я только разожу руками.

Художник согласно кивает.

— Больше встречались, говорили, идеями обменивались, выставки совместные устраивали. Не знаю, как у вас в науке, а мне этого сильно не хватает. Не должен ученый, художник только в своем казане вариться.

— Но и не очень хорошо, если все подгонять под рецептуру, которую в Москве составляли. У нас народ к бозбашу привык, а нас заставляли исключительно русские ши варить, — возражает переводчик и тут же делает оговорку: — Не буду спорить, сейчас много книг на азербайджанском издается, но хочется, чтобы тебя прочитали и на Украине, и в России.

— Как у вас, у русских, говорят: «Другое время, другие песни», — грустно усмехается генерал. — Могли бы мы оставаться с Россией в одной стране? С новой Россией, подчеркиваю, появившейся после 1991 года, Скорее всего, нет. А одно тянет за собой другое. Если независимость, то непременно должна быть граница и, конечно, приоритет национального.

— Так и есть! Это реальность, и игнорировать ее глупо. — Профессор разливает коньяк. — И все-таки давайте выпьем за то, чтобы дети сохранили нашу дружбу. Границы могут разделять государства, но не должны разделять народы! Мы столько веков дружили, такое вместе перенесли! Нельзя о дружбе забывать!

Едем в город Шамкир, рядом с которым археологи раскопали средневековую крепость. Останавливаемся на въезде в какое-то село, чтобы размять ноги. По обочине дороги идет стайка школьников. Мальчики и девочки лет восьми-десяти. Должно быть, закончились занятия в начальных классах.

На наше «Привет, ребята!» они дружно отвечают по-русски: «Здравствуйте!»

Полтора десятилетия назад, приехав в Баку, я с огорчением констатировал, что русская речь практически исчезла с улиц. Но прошло время, и русский вернулся. Его охотно изучают в школах и в высших учебных заведениях. И не только в столице, как я неоднократно убеждался.

Вышагивала ребятня серьезно и чинно. До неимоверной чистоты отмытые и подчеркнуто аккуратно одетые, они были очень трогательны в своем желании выглядеть перед незнакомыми людьми по-взрослому. А им и стараться особо не надо было, чувством ответственности они наделены в избытке с младых ногтей.

Дети в Азербайджане — особая привилегированная группа. Чем больше их в семье, тем более счастливыми чувствуют себя родители. Но сразу же надо оговориться: за подобным чадолюбием не кроются экономические причины, как, скажем, в Индии или Пакистане, где каждый новый ребенок означает дополнительные рабочие руки, а значит, и рост благополучия хозяйства. Детей любят совершенно бескорыстно, им позволяют любые шалости, правда, до определенного возраста.

С семи-восемьми лет их начинают приучать к труду и дисциплине. Они обязательно помогают по дому вне зависимости от социального статуса и доходов родителей. В селе ухаживают за домашним скотом, работают вместе со взрослыми в поле. У них есть постоянные обязанности, к которым они относятся очень ответственно. Вернулся из школы, прежде чем сесть за учебники, помоги матери с домашними делами, последи за младшими.

В городе у детей свободы, конечно, больше. Но и они не будут ждать команды взрослых: «Помоги матери!» Сами соберут на стол, вымоют посуду и никогда не позволят себе вмешиваться в разговор старших. Более того, если пришли гости, их, скорее всего, даже не посадят за стол. Зато малыши будут ходить на головах. И все будут в восторге.

Ничего необычного в этом, казалось бы, нет. Вот только лично я не знаю ни одной десятилетней московской девочки, способной приготовить еду хотя бы себе или зашить разорванные джинсы. Да и наши московские мальчишки лучше ориентируются

в компьютерных играх, чем в садовом инвентаре. Мне обязательно возразят: «Другое время!» Но какое бы оно ни было, без привычки к труду, без готовности прийти на помощь, без чувства ответственности молодежи будет тяжело.

Это поистине фантастическая картина, когда на рассвете в еще только начинающее голубеть небо поднимается стая розовых фламинго. Кажется, что порыв ветра подхватил лепестки цветущего персикового дерева и понес их над неподвижной гладью залива. А затем выбираются из камышей и другие постоянные гости гостиницы для пернатых: серые гуси, надменные белоснежные лебеди, тяжеловесные пеликаны, длинноногие цапли, хлопотливые утки, скромные темно-серые лысухи, гордые султанки с оперением, отливающим кобальтом, и множество других птиц — ярких, разноцветных, больших, малых и совсем крохотных. В общем, все пестрое население и многочисленные гости Кызыл-Агачского заповедника, расположившегося на берегу Каспийского моря в Ленкоранском районе.

Рядом с заповедником в акватории Малого залива устроен заказник, который разрешено посещать туристам. Хотя размеры его велики — 10 700 гектаров, — птичье столпотворение и шум тут такие, словно накануне открытия кинофестиваля в холле центрального отеля. Кстати, это сравнение вполне уместно, поскольку пернатые «звезды» в заповеднике совсем не редкость. Наблюдательный натуралист здесь может увидеть в естественной природной среде и серебристую чайку, и мраморного чирка, и краснозобую казарку, и черного аиста. А если выбраться в лежащие в юго-западной части заповедника степи, то там можно встретить разгуливающих между кустиками травы турачей, дроф и стрепетов. Ну, а в небе барражируют хищники: орланы-белохвосты, беркуты и могильники.

Но как бы ни был интересен Кызыл-Агач, есть и другие уникальные места. Сложно найти страну со столь разноликой природой, как Азербайджан. Даже беглый взгляд на карту откроет, насколько разнится ландшафт от западного побережья Каспия до восточной части Южного Кавказа, от Закавказского нагорья на юге до горных массивов Большого Кавказа на севере. В Азербайджане роскошная растительность субтропиков соседствует со снегами, лежащими на горных вершинах, тенистые леса и искрящиеся на солнце водопады — со знойными степями.

Из 800 грязевых вулканов нашей планеты почти половина расположена в Азербайджане. 100 из них находятся на Апшеронском полуострове, в Гобустане. Здесь, на сравнительно небольшом участке, обосновалась целая колония шумно дышащих, периодически истекающих разноцветной грязью — брекчий — кратеров. К слову сказать, далеко не все из них безобидны. В редкие дни, когда вулкан пробуждается к жизни, можно наблюдать, как в воздух взмывает гудящий от ярости столб пламени высотой до 500 метров. И даже более того, подводные вулканы, существующие в акватории Апшерона, способны за несколько часов «плодотворной работы» возвести целый остров.

Из общего числа распространенных на Кавказе растений абсолютное большинство можно найти в Азербайджане. Это около 4500 видов, из которых примерно 240 являются эндемиками. Здесь обитают 12 тысяч видов животных, в том числе косули, благородные олени, барсук, козлы, муфлоны и леопарды. Страна — настоящий рай для биолога, а воды Каспия, рек и озер славятся обилием рыб ценных пород.

В Азербайджане десять заповедников и девять национальных парков, каждый из которых со своим «лицом» и своими «примами». В Апшеронском парке можно наблюдать жизнь каспийских тюленей. В Гирканском увидеть реликтовые леса, сохранившиеся со времен третичного периода кайнозойской эры. А жемчужина Гейгельского парка — озеро Гейгель. Этот бриллиант удивительной чистоты заключен в оправу из покрытых густым лесом высоких скал. Надежной стеной стоят они вокруг озера, чтобы никакая непогода не потревожила безмятежной глади вод. Даже живущие здесь птицы стараются перекликаться вполголоса, будто боятся нарушить покой этих

зачарованных мест. А выше Гейгеля прячутся в неприступных скалах еще несколько соединенных протоками озер.

В Ширванском национальном парке на первых ролях, конечно, джейраны. Этих небольших и очень грациозных животных здесь более двадцати тысяч. Увидеть их можно, отъехав всего пару километров от магистрального шоссе, по которому днем и ночью несутся потоки машин. Людей джейраны совершенно не боятся. Давно уже привыкли к тому, что человек не представляет для них опасности. А в шестидесятые годы прошлого века из-за хищнической деятельности людей поголовье джейранов в Азербайджане сократилось до критической численности в сотню голов. Этот вид животных был на грани полного исчезновения, но благодаря упорной работе ученых и сотрудников парка их теперь расселяют и по другим заповедникам. Иначе как подвигом это не назовешь.

Впрочем, чтобы полюбоваться дикой природой и ее обитателями, в Азербайджане не обязательно забираться в национальный парк. Красивых мест здесь хватает, а диких животных и птиц берегут как зеницу ока. Они такое же национальное достояние, как архитектурные памятники и исторические артефакты. А эти сокровища только растут в цене.

Гянджа. Второй после Баку город по численности населения. Гянджинцы уверяют, что ему четыре тысячи лет. Историки считают, что пока документально можно подтвердить только две с половиной. Но и те, и другие согласны с тем, что это самый «непоседливый» город в Азербайджане. За время своего существования он пять раз сменил прописку. Понятно, не по добной воле. То война, то землетрясение, то набег врагов. И снова собирая те немногие пожитки, что не сгорели, и перебираясь на новое место, строй дом, разбивай сад, мости улицу. И ведь опять возводили такой город, что восхищенные путешественники называли Гянджу «цветником империи».

Она и сейчас очень красива, и я не раз порадовался, что в Новруз оказался именно в Гяндже. Праздников в Азербайджане не меньше, чем в любой другой стране. Государственные, региональные, отмечаемые только в данной местности, религиозные, семейные. Есть среди них особенно красивые — Цветов, Граната, Роз. Есть торжественные — с военным парадом и вечерним салютом. Но самый любимый — Новруз. День прихода весны. Он же и самый древний, возникший еще в дописменную эпоху человеческой цивилизации. Его традиции и ритуалы древнее египетских пирамид, и он сам по себе не менее интересен, чем сохранившиеся до нашего времени мегалитические сооружения и античные храмы. Потому что Новруз — это само время. А еще потому, что Новруз продолжает жить.

Конечно, европейцу понять те чувства, с которыми в Азербайджане ждут Новруз, сложно. Как, впрочем, и человеку, выросшему в традициях восточной культуры, будет непонятно то лихорадочное возбуждение, которое овладевает сотнями миллионов христиан перед наступлением Рождества. Все-таки «Запад есть Запад, Восток есть Восток», и помимо бросающихся в глаза отличий, которые на самом деле не столь уж и важны, немало существует в каждой из этих цивилизаций вещей таинственных и сакральных, для познания коих нужно не только желание, но и время. Однако даже без них ничто не мешает получить удовольствие хотя бы от внешней атрибутики праздника.

Чтобы оценить все составляющие Новруза — а их так много, что даже специалисты-этнографы путаются, — надо приехать в Азербайджан: в Баку, Шамаху, Габалу, Гянджу. В каждом городе свои обычай, свой неповторимый окрас этого праздника. В любом случае впечатлений будет не меньше, чем от знаменитого бразильского карнавала. С той только разницей, что по сути Новруз отмечают более месяца, переходя от одного красочного действия к другому, сопровождая каждый этап играми, песнями, наговорами, сложными обрядами и не в последнюю очередь обильным угождением.

Венец всем приготовлениям 21 марта — День весеннего равноденствия. Готовясь к нему, каждая из хозяек стремится превзойти подружек. А при разнообразии

азербайджанской кухни для их кулинарных фантазий простор открывается поистине бесконечный. Правда, есть одно условие: на столе должны обязательно присутствовать семь традиционных блюд, начинающихся на букву «s». Выстави их, а уж дальше демонстрируй свое мастерство, удивляй близких. Непременно также готовится плов. Однако главное — не изобильное застолье, а то, что его радости необходимо разделить с родственниками и друзьями. Поэтому в обычай в этот день и приглашать гостей, и самим в гости ходить. А уж коли знакомым забежать недосуг, то им посыпают хончу — медный поднос, густо заставленный различными лакомствами.

Отсюда положенное время за праздничным обедом, перепробовав кучу сладостей, среди которых обязательно будет несравненная азербайджанская пахлава, спешат на улицу, поскольку самое веселье именно там.

В Новруз весь центр Гянджи покрывается эстрадами и нарядными шатрами. Певцы, актеры, музыканты, многочисленные профессиональные оркестры и самодеятельные коллективы показывают свое мастерство. Не меньшеapplодисментов от публики получают и соревнующиеся в силе богатыри-пехлеваны. Кстати, состязания последних совсем не шуточные. И гири, которыми с легкостью жонглируют спортсмены, настоящие, и единоборство ведется не понарошку.

Самые большие толпы собирает дуэт насмешников-обманщиков — Кесы и Кечала. Эти герои азербайджанского фольклора так забавно высмеивают горожан и гостей праздника, что от смеха не могут удержаться даже не слишком хорошо понимающие все тонкости их юмора иностранцы.

При этом давно подмечено, что у людей с хорошим настроением аппетит бывает отменным. И как тут не откликнуться на манящие запахи, которые струятся из каждого ресторана, от каждого мангала. Если надо всего лишь заморить червячка, то можно тут же, на улице, съесть изумительный по вкусу шашлык или люля-кебаб, а уж коли есть желание порадовать себя всерьез, то смело заходите в ближайшее кафе. В Гяндже они различаются только дизайном интерьеров, а кормят везде одинаково хорошо, разнообразно и с выдумкой. Гянджинец на эту похвалу лишь снисходительно усмехнется. Дескать, уж готовить наших поваров учить не надо. В еде мы толк знаем.

Но, понятно, не хлебом единым жив человек. И за качество духовной пищи Гяндже краснеть не придется. В 2017 году была торжественно открыта новая филармония. Без всяких скидок на местный патриотизм надо признать: таким зданием может похвастаться не каждая европейская столица. Есть здесь театры, картинные галереи, музеи и огромный парк — третий по размерам в мире — с огромным количеством аттракционов, детских и спортивных площадок, летним театром и искусственным озером. И уже заложен большой стадион.

В общем, Гянджа может проводить любые мероприятия, даже международного масштаба. Город принимал и фестивали, и чемпионаты, и деловые конференции. И каждый раз делалось это с размахом и неизменным гянджинским гостеприимством.

Как-то пришлось слышать, что гянджинцам свойственна надменность. Мол, город всегда был столь богат, что его жители смотрели на остальных свысока. Думается, это поклек или недопонимание. Да, гянджинцы — гордый народ, но и очень приветливый. В ответ на ваше: «Здравствуйте!» все лица расцветают улыбками. «Салам, добрый человек! Входи в дом! Будь гостем! Мы тебе рады!»

Давно уже заметил: биографии что российских, что азербайджанских олигархов написаны мало того что без выдумки, но еще и под копирку. История их восхождения, по официальной версии, выглядит примерно так. До какого-то момента они были никем, но однажды «по щучьему велению, по чьему-то хотению» наутро проснулись чудовищно богатыми людьми. Чудеса, да и только! Но поскольку я сказки давно уже разлюбил, мне куда интереснее генезис успеха публики попроще.

Есть неподалеку от города Гах хозяйство, владелец которого — один из самых бескорыстных правителей мира. У него 40 миллиардов подданных, трудолюбие которых давно вошло в пословицу, как, впрочем, и отвага. Он один из самых известных

пасечников Азербайджана, председатель правления Ассоциации пчеловодов этой страны. Зовут его Бедреддин Гасратов, и его биография достойна включения в справочник «Self-made men», буде такой когда-нибудь создан.

Он среднего роста, сухопарый, подвижный и улыбчивый. На вид ему лет 45-50, хотя на самом деле уже разменял седьмой десяток, воевал в Афганистане и был там тяжело ранен. Он об этом умолчал, рассказал его друг, а сам Бедреддин говорил большей частью о пчелах. История его романа с ними удивительна.

И дед, и отец были чабанами. Другой дороги для сына не видели, поэтому вполне логично после окончания школы оказался он с отарой на пастбище. Дальше я передаю рассказ Бедреддина без купюр и редактуры. Как он сохранился на диктофоне.

— Овцы пасутся, я сижу под деревом, читаю. Книги с детства очень люблю. У меня и сейчас большая библиотека. Вокруг дикие пчелы летают. Я заинтересовался, стал за ними наблюдать. И так мне любопытно стало, что едва вечера дождался. Побежал в село, нашел в библиотеке книгу о пчелах. С этого все и началось. Перечитал все, что удалось достать. И чем больше узнаю о них, тем сильнее мне хочется на пасеке работать. А их в районе у нас не было. И родители против. Что делать?! В один из дней собрал чемодан и тайком уехал в Москву. Почему так далеко? Боялся, что в Баку найдут и домой вернут.

Приехал в Москву. Ни знакомых, ни денег. Три месяца жил на вокзале, чтобы с голода не умереть, ходил вагоны разгружать. Потом мне один человек сказал: «Иди в министерство, которое пчеловодством занимается. Может, помогут».

Нашел это министерство. Прихожу к ним. «Я, — говорю, — из Азербайджана. Очень хочу стать пчеловодом». Они удивились, как далеко я забрался. Но хорошие люди оказались, направили в подмосковный совхоз. Его директором чеченец был. Он мне говорит: «Я с Кавказа, и ты с Кавказа. Землякам помогать надо. Возьму тебя пасечником».

Как я был счастлив! Всю неделю на пасеке, а по субботам ездил в Академию сельского хозяйства слушать лекции о пчеловодстве. Их настоящие учёные читали. Познакомился с ними. Они мне подсказали, что еще прочитать. Через два года я уже был заместителем директора, заведовал всеми пасеками.

На этом месте Бедреддин, возможно, намеренно прервал рассказ и, извинившись, ушел в дом. Возвратился через минуту с подносом, уставленным различными видами меда. Понятно, собственного производства. Антракт, который ушел на «ахи», «охи» и чмоканье губами (это когда уже не хватало слов, чтобы выразить восторг), занял не меньше часа, поэтому на лакуну в повествовании хозяина никто не обратил внимания. А продолжил он с девяностых годов. Не хотелось ему, видно, вспоминать ни Афганистан, ни ранение, ни долгое выздоровление, которому опять же поспособствовал пчелиный прополис.

— Вернулся домой, когда узнал, что мама заболела. Что в Азербайджане творилось тогда, вы знаете. Как жить? Никто не знает. Но мысли о пчелах меня не оставляют. Думаю, прикизываю, считаю. Помню одну ночь. Пишу на кухне бизнес-план. При керосиновой лампе. Электричества в доме нет. Вышла жена, заглянула в бумаги. У меня там миллионы, а дома куска хлеба нет.

Бедреддин засмеялся, а мне, честно говоря, плакать захотелось. У скольких хороших людей в те годы судьба была изломана. И ради чего... Или все-таки ради кого?

— Но как-то вывернулся. Купил несколько ульев. Потом присмотрел участок под пасеку. Фирму организовал. Теперь поставляем мед в Японию, Катар, ОАЭ, Англию. 1260 ульев, 6 тонн меда ежегодно, а еще прополис, цветочная пыльца и многое еще чего. Пчелы дают 14 видов продукции. А самое главное что? Они же растения опыляют. Там, где пасеки, всегда хороший урожай.

У пасеки образцовый вид. Рядом с ней большой дом, где размещаются лаборатории и школа, которую создал Бедреддин. В ней на полном пансионе обучаются юноши и девушки — будущие пчеловоды. А с прошлого года он стал проводить семинары для всех желающих приобщиться к этой сладкой профессии. Много ездит по стране, читает

лекции, выступает в школах. В 2016 году добился организации Ассоциации пчеловодов, получил финансовую поддержку государства.

Правда, это на бумаге все так здорово выходит. А чтобы создать Ассоциацию, он два года ходил по кабинетам чиновников и ходил бы до сих пор, если бы не удалось пробиться к первому вице-президенту Мехрибан Алиевой. Та выслушала рассказ о его мытарствах и, ничего не обещая, лишь кивнула. Не успел он доехать до дома, как те, что раньше и говорить с ним не хотели, обрывали телефон. А летом 2019 года чуть ли не каждое СМИ сочло своим долгом доложить: производство меда выросло более чем в два раза, его готовы покупать многие страны. Кто-то Гасратова упомянул, большинство же предпочли процитировать разного ранга «ответственных лиц».

— Я свой бизнес-план пока до конца не выполнил. Но как закончу, передам хозяйство и заживу с несколькими ульями. Устал очень, — признается Бедреддин. — Все это такой кровью далось...

Вот такая история Dolce vita — «сладкой жизни» Бедреддина Гасратова.

Баку прекрасен. Это город-мечта, город-феерия, город-сказка. Одетые в гранит берега Бакинской бухты опоясывает зеленая лента Приморского бульвара. Его протяженность 15 километров, он один из самых больших бульваров в Европе. И, несомненно, самый красивый. Здесь яркие цветники сменяют экзотические деревья, а под тенистыми чинарами устроились кафе и рестораны, где можно и чаю выпить, и плотно пообедать. По каналам Бакинской Венеции медленно плавают надменные гондолы, а струи музыкальных фонтанов взмывают к небу, чтобы рассыпаться сверкающей на солнце водяной пылью.

Выше поднимаются кварталы делового центра. Он очень своеобразен. Здания начала прошлого века в неоготическом стиле и рядом знаменитый бакинский модерн и неоклассицизм. И тут же высотки отелей, торговых и бизнес-центров. В общем, эклектика, а смотрится здорово. Преобладающий цвет бело-кремовый, поскольку дома облицованы плитами ашхеронского ракушечника. Когда наступает вечер и небо темнеет, город светится, будто огромный белый опал.

А дальше начинается Старый Баку. Точнее, начинался, потому что от него осталось лишь несколько кварталов. На их месте теперь разбит многоярусный Центральный парк. Сожалений по поводу сноса сотен домов, конечно, масса. Признаться, гулять по узким улочкам Старого Баку было приятно: экзотики на них было с избытком. Но вот жить в этих двухэтажках с прогнившими лестницами, висящими на честном слове балконами, в соседстве с крысами, тараканами и клопами было хлопотно.

В конце концов, те, кого заедает ностальгия, могут посетить находящийся за стенами Бакинской крепости Ичери-Шехер. Там — изобилие построек и XVIII, и XIX веков. И, конечно, высится знаменитая Девичья башня, с которой связано несколько легенд, непременно пересказываемых экскурсоводами и составителями туристических буклетов. В каждой присутствуют красавица, ее жестокий отец и молодой человек, добивающийся любви девушки. Естественно, кончается все трагически. К реальному назначению башни они, скорее всего, никакого отношения не имеют, и пересказывать я их не буду. А тем, кому любопытно узнать, как выглядит это загадочное строение, рекомендую купить коньяк «Баку». На его этикетке изображена Девичья башня во всех деталях. И башню можно рассмотреть, и хороший коньяк попробовать. Мне же она за годы поездок в Азербайджан порядком намозолила глаза, поскольку присутствует на всех видах сувенирной продукции, на плакатах и постерах. И, понятно, не мне одному. Увидеть около башни бакинца так же трудно, как и москвича на Красной площади.

В центре Ичери-Шехера находится дворец Ширваншахов. Вид у него волшебный. Он словно перенесен из «Тысячи и одной ночи». Некогда хранившиеся в нем сокровища были неисчислимы. К тому же это был один из самых блестящих дворов Востока. Да и сейчас, спустя многие века и разорительные нашествия врагов, дворец

поражает воображение соразмерностью и изяществом строений. Ичери-Шехер и дворец Ширваншахов внесены ЮНЕСКО в список Всемирного наследия человечества.

В конце XIX века Баку считался самым красивым городом на Кавказе. Он стал столицей нефтяной провинции. Надо отдать должное азербайджанским нефтепромышленникам: они не только строили особняки для себя, но и изрядно вложились в Баку, украсив его великолепными зданиями. Достижения тех архитекторов оставались непревзойденными долгое время. Даже монументальные «сталинские» ансамбли, которые возвели в столице Азербайджана после войны, смотрятся неуклюжими рядом с дворцами периода нефтяного бума.

Но самые поразительные изменения в облике Баку произошли в последние два десятилетия. Строят очень много, и строят хорошо. Самое невероятное здание, сразу признанное всеми экспертами планеты мировым шедевром, — Центр Гейдара Алиева, творение великой Захи Хадид. Оригинален дворец Baku Crystal Hall, построенный к «Евровидению-2012». Он похож на огромный бриллиант. Не может не вызвать восхищения Олимпийский стадион на 64 тысячи зрителей, возведенный к Первым Европейским играм! Или Международный центр мугама! Офисные здания Порт-Баку! Новые кварталы Белого города! Музей ковра или бакинский бренд — три двухсотметровых небоскреба Flame Towers, сооруженные в виде трех языков пламени!

Баку внимательно отслеживает все тренды градостроительной моды, но при этом умудряется сохранять и лицо, и свой неповторимый стиль города парков и музеев, картинных галерей и выставочных залов, театров и бережно сохраняемых старинных зданий, по-восточному яркий и по-европейски рациональный, умеющий до седьмого пота работать и широко, от души отдыхать. И еще очень доброжелательный. Здесь не заблудишься, не пропадешь. Обязательно подскажут, помогут. А узнав, что ты из Москвы, непременно сообщат, что кто-то из родственников живет или работает в России. Дескать, мы — не чужие люди.

Гостеприимство немыслимо без хлебосольства, а в нем азербайджанцы великие мастера. Но даже если случилось так, что в гости вас не позвали и вы предоставлены сами себе, поверьте, не пропадете. Хорошо поесть тут не проблема. Невкусно готовить в Азербайджане не умеют. Здесь первые кулинарные книги появились почти восемьсот лет назад. Проблема — выбрать, что съесть, поскольку даже в самом маленьком кафе на окраине города, где и меню-то считают излишней роскошью, хозяин предложит вам такое количество блюд, что голова пойдет кругом, если, конечно, она не пошла кругом раньше от аппетитных запахов, доносящихся с кухни. Поэтому смело заходите в любой ресторан и не сомневайтесь — еда будет высшего сорта. Ну, нет тут другой!

На территории Азербайджана географы насчитали девять климатических зон из одиннадцати, существующих на нашей планете. Особенности флоры и фауны каждой зоны, безусловно, наложили свой отпечаток на рецепты и способы приготовления блюд. Как, впрочем, и некоторые другие факторы: традиции, предпочтения, образ жизни. Так что шашлык, который вам приготовят в горах Лерика, на юге страны, будет массой вкусных нюансов отличаться от шашлыка с севера, из Закатальского района.

Баку стоит на Апшеронском полуострове, где летом дожди выпадают крайне редко, а зима, как правило, бесснежная. Поэтому скота здесь от веку выпасали мало, садоводство и огородничество не процветали. Мясо, овощи, зелень стоили дорого, поскольку большей частью их везли издалека. И рачительные, по-восточному мудрые здешние хозяйки старались готовить как можно больше блюд из теста.

В этом и состоит специфика бакинской кухни. Безусловно, прия в ресторан, имеет смысл отведать и кебаб из разных видов мяса, и плов, рецептов которого азербайджанцы насчитывают не менее четырехсот, но при этом обязательно следует попробовать такие блюда как дюшбара, гюрза, хамраши, хингаль и, конечно, несравненные бакинские кутабы.

Дюшбара восхитит самого привередливого гурмана. Она состоит из крепкого наваристого бульона, сваренного с душистыми травами и кореньями и заправленного крошечными пельменями (если вы не знаете, что это такое, процитирую классический

толковый словарь XIX века Владимира Даля: «вареные пирожки с мясом»). Размеры пельмешек в дюшбаре таковы, что столовая ложка вмещает от 10 до 15 штук, хотя особо искусные хозяйки умудряются делать их еще меньше. Это по-настоящему ювелирная работа.

Гюрза — это тоже пельмени, но покрупнее, начиненные по-особому приготовленным фаршем и подаваемые под самыми разными подливами. Хамраши — первое блюдо, которое готовится на основе фрикаделек из барабанины, фасоли, лапши и шафранового настоя. Хингяль по-азербайджански хоть и делается из пельменного теста с фаршем, но совершенно не похож на грузинское блюдо «хинкали», которое представители этого народа прославили по всему миру. В азербайджанском варианте хингяль ближе к итальянской лазанье. Но главное, конечно, не все эти межнациональные сходства или различия. Главное, что это очень вкусно!

Ну и, наконец, несравненные кутабы. Это небольшие плоские пирожки из очень тонкого теста, по форме напоминающие полумесяц. Начиняют их мясом с зернышками граната или разнообразной пряной зеленью. Пекут на толстой чугунной сковородке («садже») или в тандыре (большом глиняном сосуде, вкопанном в землю, на дне которого горячие угли). Затем готовые кутабы смазывают маслом и подают на стол с кислым молоком. Обычно с них начинают обед, хотя они настолько вкусны, что ими же хочется его и продолжить.

И в ресторане, и в гостях вам предложат не только эти, но еще три десятка блюд. Вы — гость, для вас — лучшее. Но сами азербайджанцы обычно питаются довольно скромно. Основу их рациона составляют хлеб, которого едят очень много, сыр, масло, зелень, мед и какое-нибудь горячее блюдо раз в день. Довольно равнодушно они относятся к сосискам и колбасам. Реклама «Мираторга», пожалуй, не вызвала бы у них восторга.

Спиртное потребляют не то что умеренно, а разумно. За сорок лет поездок в Азербайджан ни разу не видел пьяного. Точнее, видел, но это были наши туристы. Никто не станет насилино влиять в вас водку или вино, уговаривать опрокинуть еще стопочку. Если скажете, что не пьете, отнесутся к этому с пониманием.

Впрочем, сколько можно о хлебе насущном, когда вокруг такая красота! Баку очень живописен с моря. Не менее интересно попытаться рассмотреть его с какой-нибудь высокой точки — благо их в центре более чем достаточно, — но чтобы почувствовать все очарование этого самого необыкновенного города на Южном Кавказе, надо прогуляться по нему. И не один раз. Свое мнение навязывать не стану. Каждый определит маршрут в соответствии со своими предпочтениями. Мне лично особенно нравится Торговая улица. Тут и яркие витрины, и нарядная публика, и маленькие кафе, где можно с комфортом посидеть, рассматривая гуляющих бакинцев.

Мужчины вас едва ли удивят: рубашка да брюки — такая же традиционная униформа, как у всех жителей восточных столиц. К тому же у азербайджанских мужчин всегда было принято одеваться скромно. Но вот бакинки... В течение пяти минут вы убедитесь: все, что писали о них средневековые поэты, — чистая правда. В их красоту нельзя не влюбиться, их изяществом нельзя не восхищаться. А с каким вкусом они одеваются! Да, немного по-иному, чем парижанки. Но ничем не хуже. Со своим особым восточным шиком, что вполне объяснимо: Баку на много тысяч километров восточнее, и у него собственная история, в том числе и женского национального костюма. Между прочим, весьма своеобразного и очень сложного.

Еще одно замечание. Расположившись в кафе, не заказывайте кофе. Не умеют его здесь варить и не хотят учиться. Возможно, и правильно, потому что чай в Азербайджане бесподобный. Азербайджан без чая немыслим.

Люди, не бывавшие в этой стране раньше, наверное, считают, что больше всех на Земле чая пьют англичане и русские. Ничего подобного! По сравнению с азербайджанцами эти два народа просто иссушают себя жаждой. Чаём в Азербайджане начинают обед и им же заканчивают. Его пьют утром, вечером и днем. Во время деловых переговоров и дружеской беседы. Грушевидный стаканчик «армуд», который

так долго хранит аромат чая, самый верный спутник азербайджанца с первых лет жизни и до ее последних минут. В чаепитии, если хотите, заложен немалый смысл: не надо торопиться и спешить, принимая важное решение. Оно должно быть взвешенным, а каждый последующий шаг продуманным. Попробуйте такое проделать, используя в качестве реквизита маленькую чашечку кофе, — ничего не получится. Придется этих чашечек выпить немереное число, в результате чего заработаете сердцебиение.

Азербайджанское чаепитие — это стиль жизни, это ритуал. Может, менее сложный, чем японская чайная церемония, но столь же символичный. И, кстати, более вкусный. Японцы, как известно, используют размолотый в порошок очень горький зеленый чай. Азербайджанцы предпочитают черный, хороших сортов, в том числе выращиваемый на юге страны, в Ленкоранских субтропиках. В него обычно добавляют чабрец и другие горные травы. К чаю полагаются мелко наколотый сахар и варенье, готовить которое азербайджанки большие мастерицы. В качестве исходного материала для него используются все растущие здесь ягоды, фрукты и даже овощи. Иногда создается ощущение, что азербайджанская хозяйка может сварить варенье из табуретки. И вы никогда об этом не догадаетесь. Во всяком случае, в последние сезоны в Баку очень модно готовить варенье из оливок и баклажанов. Получается очень вкусно.

А еще надо помнить, что, если чай придумали китайцы, то самовар изобрели... азербайджанцы. Глиняный прадедушка самоваров был найден при раскопках в Шеки. Археологи определили его возраст в 3700 лет. Так что, когда во II веке до н.э. чайный лист был завезен в Азербайджан по Великому шелковому пути (во всяком случае, именно в этом столетии знаменитая трансконтинентальная магистраль заработала в полную силу), устройство для его приготовления уже вовсю функционировало, снабжая аборигенов крутым кипятком.

Возможно, в память о столь важном событии — соединении чая и самовара и возникновении чаепития — в Ичери-Шехере на одной из площадей установлена скульптура, изображающая чайник, на котором высится пирамида из армудов.

...Теперь, когда вы с удобством устроились, а официант снабдил вас всем необходимым для чаепития, можно и побездельничать. С моря дует легкий влажный ветерок, терпко пахнущий йодом. В прорехах между кронами деревьев светят пушистые южные звезды. А за спиной сияющим огнями амфитеатром поднимаются белоснежные здания новостроек Баку.

...Я люблю бывать в Азербайджане. Но, как было сказано в одном анекдоте, не надо путать туризм с эмиграцией. Из окна гостиницы не разглядеть всех проблем, с которыми ежедневно сталкиваются жители этой страны. А они, конечно, есть. И бедных людей здесь хватает, и крестьянский труд очень тяжел, и жилье дорого стоит, и зарплаты не слишком высокие, и медицинское обслуживание не как в Швейцарии. Все так. Но я вспоминаю Азербайджан 1992 года. Горы мусора на улицах, повсеместная нищета, чудовищная по масштабам безработица, чиновники занимаются откровенным вымогательством, в городах орудуют вооруженные банды, в Карабахе идет война. Единственное желание жителей — бежать куда угодно, в любую страну.

За три десятилетия объективно сделано очень много. И что особенно важно, изменения затронули не только, как в России, небольшую группу населения, объявившую себя элитой, но всех граждан. Пусть понемногу, по чуть-чуть, но жизнь всех азербайджанцев с каждым годом становится лучше, сытнее, комфортнее. Этот вектор развития общества прослеживается очень четко. И у человека появляются цель и средства, чтобы ее достичь, и уверенность в завтрашнем дне.